

Мурзилка

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОВЕТСКАЯ РАЗВЕДКА!

Ребята! Наши славные чекисты во главе с Николаем Ивановичем Ежовым, народным комиссаром внутренних дел, разоблачили еще одно змеиное гнездо врагов советского народа. Перед Верховным судом СССР держали ответ фашисты: Бухарин, Рыков, Ягода и другие. Пойманные чекистами бандиты вынуждены были сознаться перед советским народом в своих преступлениях. Они хотели продать немецким, японским и английским фашистам нашу родину. Они хотели сделать нашу счастливую страну снова капиталистической и отдать фабрики капиталистам, землю — помещикам. Им была ненавистна свободная жизнь советского народа. Эти предатели и разбойники еще в 1918 году замышляли убить наших любимых вождей — Ленина, Сталина и Свердлова.

Многие из подсудимых изобличены как давнишние слуги царских жандармов. Верные псы царской охранки пробрались на ответственные посты в Советском государстве. Они были вредителями: разрушали заводы и колхозы, уничтожали скот, гноили хлеб, подбрасывали в масло стекло и гвозди.

Они ненавидели Советскую страну и всячески старались ослабить ее силу.

Они были шпионами. Они продавали германским и японским фашистам государственные тайны и хотели отдать им Украину, Белоруссию, Азербайджан, Армению, Грузию, среднеазиатские республики и Приморье.

Фашисты Бухарин, Рыков, Ягода, руководимые врагом народа Троцким, убили нашего любимого Сергея Мироновича Кирова. При помощи преступников-врачей они умертвили товарища Менжинского, товарища Куйбышева и великого русского писателя Максима Горького и его сына.

Фашист Ягода задумал отравить руководителя советской разведки товарища Ежова! Но твердая чекистская рука схватила предателей советской родины. Врагам народа — троцкистам, бухаринцам, наемным шпионам фашистских разведок — нет места на советской земле!

Все народы нашей великой родины в один голос потребовали:

— Расстрелять бандитов!

Государственный прокурор Союза ССР товарищ Вышинский в своей обвинительной речи сказал:

„Пройдет время. Могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных советских людей, всего советского народа.

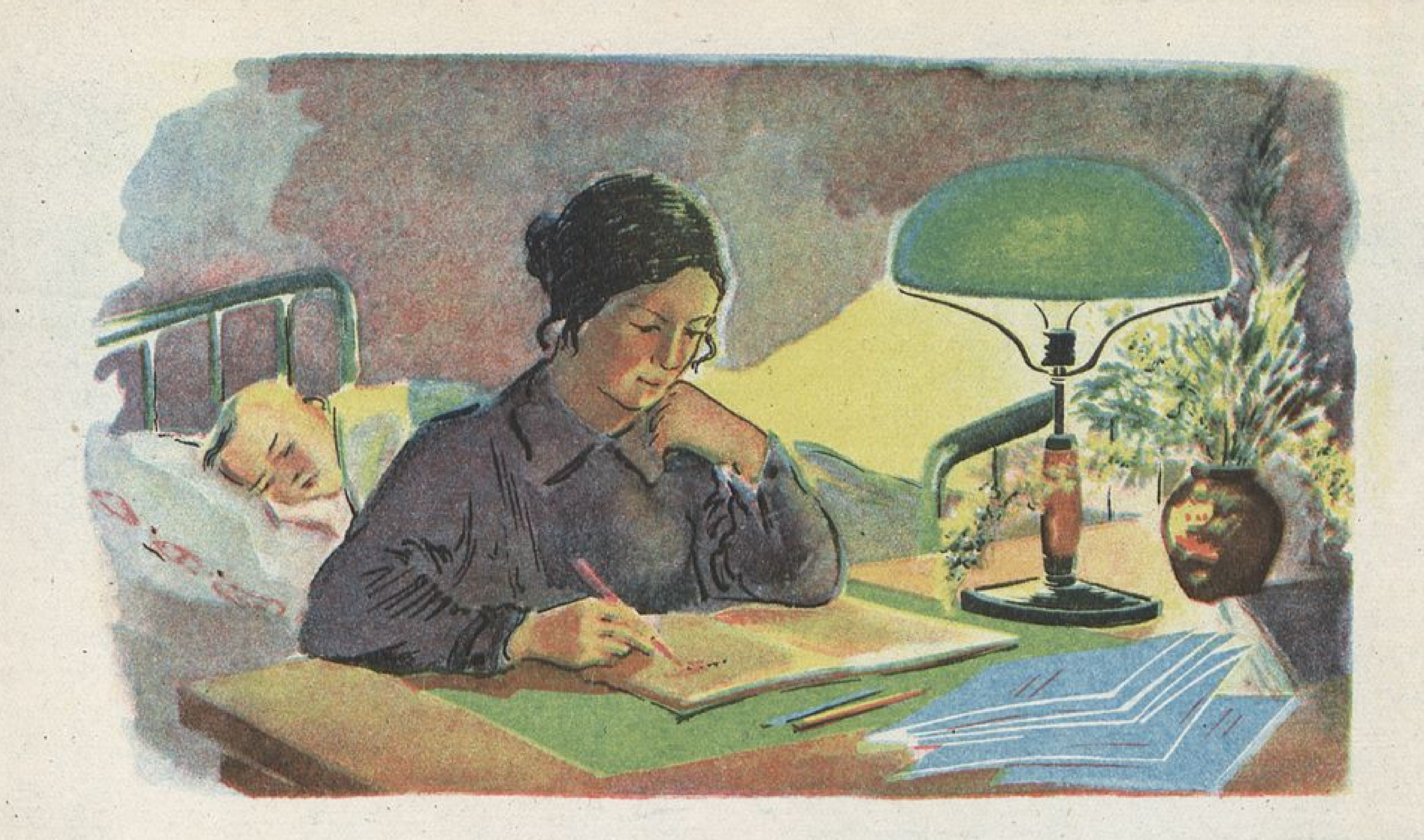
А над нами, над нашей счастливой страной попрежнему ясно и радостно будет сверкать своими светлыми лучами наше солнце. Мы, наш народ, будем попрежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге во главе с нашим любимым вождем и учителем — великим Сталиным — вперед и вперед, к коммунизму!"

Советский народ гордится своей чекистской разведкой. Весь народ помогает чекистам в их почетной работе.

Народный поэт Казахстана Джамбул выразил это общенародное чувство гордости за советскую разведку в стихах, посвященных товарищу Ежову:

**...Враги нашей жизни, враги
миллионов, —
Ползли к нам троцкистские банды
шпионов,
Бухаринцы, хитрые змеи болот,
Националистов озлобленный сброд.
Они ликовали, неся нам оковы,
Но звери попались в капканы Ежова.**

**Великого Сталина преданный друг,
Ежов разорвал их предательский круг.
Раскрыта змеиная, вражья порода
Глазами Ежова — глазами народа.
Всех змей ядовитых Ежов подстерег
И выкурил гадов из нор и берлог.
Разгромлена вся скорпионья порода
Руками Ежова — руками народа.**

Рассказ В. Сафоновой *Рисунки Г. Шубиной*

ОРДЕН

Глаза у Толи совсем сонные, но он борется с дремотой. Хочется ему с мамой поговорить. В комнате тихо. Лампа закрыта абажуром. Мама сидит за столом, пишет. Перо ее скрипит. Под столом кошка, она слышит скрип, настораживает уши: не мыши ли? Толя ворочается в постели и думает: «У других ребят мамы летчики, водолазы, капитаны кораблей. Была бы моя мама Героем Советского Союза, все бы ее знали, как Чкалова. О ней писали бы в газетах. Обязательно буду летчиком!»

Толя поворачивается на другой бок и говорит:

— Мама, я хочу быть летчиком.

Мама поднимает глаза. Они у нее серые, как у Толи, только не сонные. На минуту она отрывается от работы, смотрит на Толю, хочет ему что-то сказать, но он уже заснул. Мать заботливо поправляет ему одеяло, — пусть поспит: завтра в школу.

Утром мама разбудила Толю. Они позавтракали и пошли вместе. Мама в свою школу, а Толя — в свою. Они всегда ходили вместе. Только маме итти далеко, а Толя через пять минут уже в школе. Его школа тут, за углом, ее только в этом году выстроили.

Обычно мама с Толей прощаются у ворот, и Толя мчится через двор. Он не хочет, чтобы ребята видели его маму. Задразнят, скажут: «Один боится ходить, малютка!» Да еще начнут спрашивать, кто она, его мама.

А на этот раз, только он попрощался с мамой, повернулся — рядом Таня (с нею Толя на одной парте сидит), тоже со своей мамой прощается. Толя попрощался со

своей мамой за руку, как большой, а Таню мама и целовала и воротничок ей поправляла, а напоследок даже сунула ей в карман большое красное яблоко.

Толя сгорел бы со стыда от таких нежностей. А Таня ничего. Сама первая поздоровалась с ним да еще спросила:

— Толя, это кто? Твоя мама?

— Мама. Но она меня не провожала, — просто нам по дороге.

— А куда она пошла?

— В школу, — сказал Толя и понял, что проговорился. Теперь-то уж наверное все узнают, кто его мама.

— В школу? — удивилась Таня. — Да ведь она взрослая.

— А взрослые разве в школу не ходят? Мало ли какие школы бывают! Есть школа высшего пилотажа, — там, думаешь, такие, как мы, учатся?

— Да ведь там только летчики, а у тебя мама кто?

— У меня... у меня... — Толя покраснел. — У меня мама герой, вот кто.

— Герой Советского Союза, летчик? Врешь!

Таня от удивления даже остановилась.

Но Толя побежал от нее в раздевалку, повесил курточку на вешалку и до самого урока играл на дворе в салочки.

Прозвенел звонок, пришлось итти в класс. Толя сел рядом с Таней и вспомнил разговор про маму. Он невольно опять покраснел и отвернулся, а Таня, наоборот, смотрела на него во все глаза. «Скажу, что про маму я все выдумал», решил Толя, но тут в класс вошла Людмила Ивановна и вызвала его к доске.

Толя отвечал Людмиле Ивановне, а сам косился на Таню. Она что-то быстро писала, высунув кончик языка. Потом свернула бумажку и передала Васе Егорову.

Вася прочел записку, толкнул своего соседа Колю, и они вместе уставились на Толю, словно увидели его в первый раз. Записку они передали на соседнюю парту. На Толю теперь смотрели еще Лева и Миша, потом Леша и Витя и наконец все ребята.

Толя решил, что, если его теперь спросят, он обязательно скажет, что у него мама вовсе не летчик и не герой.

На перемене Вася Егоров подошел к нему. Сердце у Толи упало: «Сказать или нет?»

— Толя, послушай: говорят, ты... модель бесхвостки сделал. Она у тебя хорошо летает?

— Хорошо, а что? — У Толи отлегло от сердца.

— А у меня носом клюет.

— Так ты, наверно, крылья сделал узкие. Какие они у тебя?

— Вот какие... — Вася стал рисовать на обложке тетрадки. — По-моему, крылья в самый раз, я ведь по чертежу делал.

— А я без чертежа вижу, что ты узкие сделал, — сказал Толя.

— Еще бы, тебе да не знать!

— Конечно, знаю.

— Ну, на твоем бы месте и я знал.

— Ну и знай, а меня не спрашивай! — сказал Толя уже со слезами в голосе и отошел от Васи.

— Важный какой стал!— крикнул Вася.

Но Толя махнул рукой и убежал.

До конца уроков он ни с кем не играл и не разговаривал. Как только уроки кончились, сразу побежал домой.

Мамы не было дома. День был какой-то нехороший. Читать не хотелось, гулять не хотелось. Соседка прогнала его из кухни, бабушке он нагрубил. Лег спать, но не спалось. А мама все не приходила.

«Ей что! Она у себя в школе ничего не знает, а я тут мучайся из-за нее!..»

Толя стал вспоминать, как это все вышло. Он не виноват. Он просто сказал, что мама — герой, а это Танька прибавила: Герой Советского Союза. Но успокоиться Толя не мог.

Приснилось ему это или было в самом деле? Мама пришла веселая и сказала бабушке:

— Обо мне завтра напечатают в газетах.

«Неужели мама вправду стала летчиком?» подумал Толя.

Он почувствовал на своей голове теплую мамину руку, но ничего не сказал и закутался с головой в одеяло. Так и не понял Толя — сон это или нет.

Утром он не видел маму. Его покормила бабушка. Провожая в школу, она все говорила о том, что мама у него хорошая, умная, ее слушаться надо. Долго хвалила бабушка маму. Но Толя опять нагрубил:

— Мама и мама, ничего особенного. Подумаешь тоже!.. У других мамы герои, а у меня кто?

На уроке Людмила Ивановна вдруг спросила:

— Толя Голосов здесь?

— Здесь, — сказал Толя и хотел пойти к доске.

А Людмила Ивановна и говорит:

— Ну, Толя, поздравляю тебя и желаю быть достойным своей мамы. Знаете ли, ребята, кто его мама?

— Знаем, знаем! — закричали ребята.

Толя смутился и заплакал.

— Почему ты плачешь? — удивилась Людмила Ивановна.

— Да я это нарочно сказал. Это неправда, у меня мама не герой, а обыкновенная учительница.

— Ничего не понимаю!

Людмила Ивановна достала из портфеля газету и прочитала:

— «Анна Петровна Голосова за выдающиеся заслуги в деле народного просвещения награждена орденом Трудового Красного Знамени».

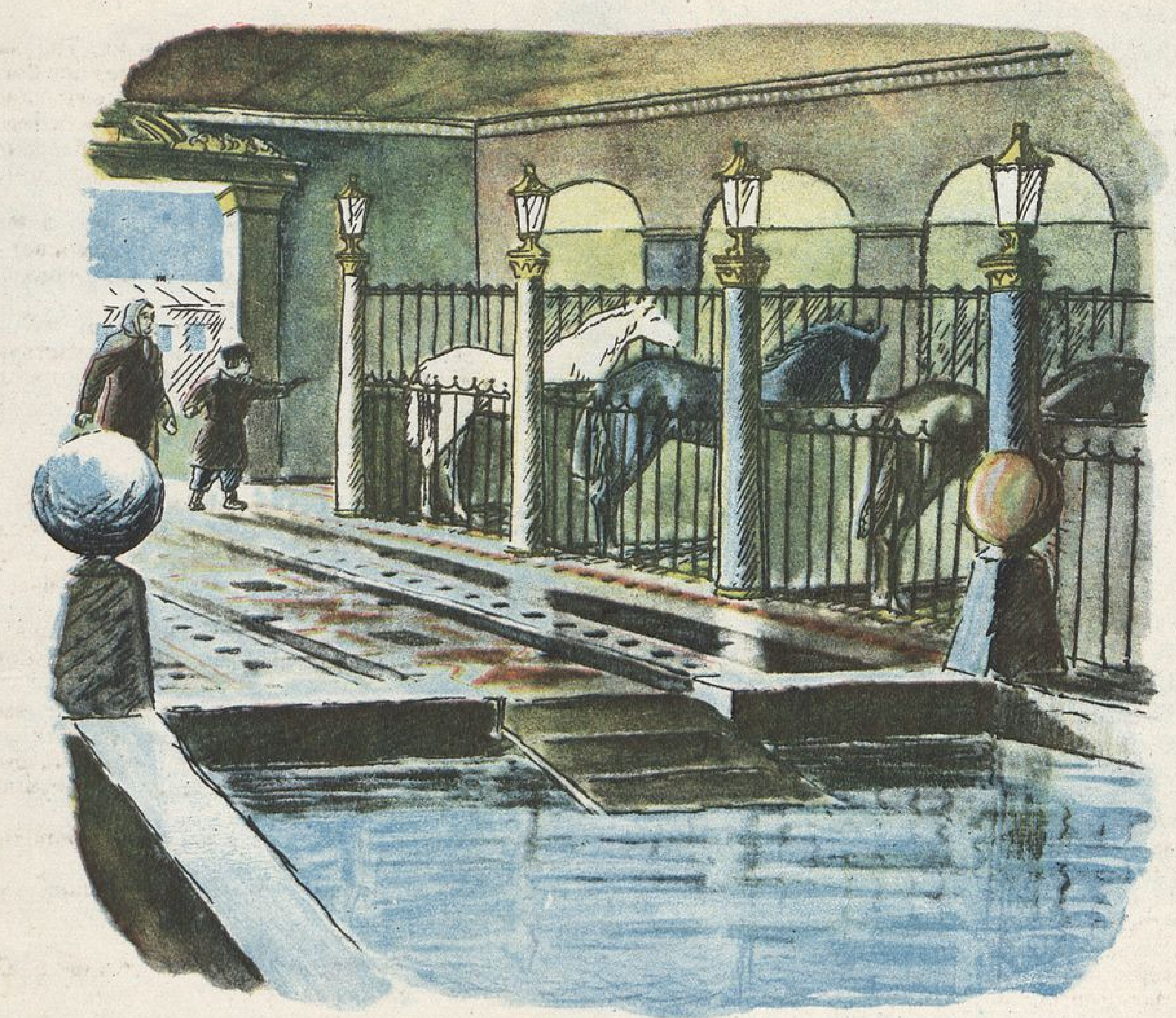
Толя вытер слезы и подбежал к Людмиле Ивановне. Глаза его блестели.

Ребята переглядывались. Они ничего не понимали.

— Слушайте, — заговорил Толя, — я вас обманул, это плохо. Но мама у меня все-таки герой! Она — герой труда. А летчиком и Героем Советского Союза я буду сам, когда вырасту.

Ребята шумели, но Людмила Ивановна их не останавливала.

Рассказ С. Чукаева *Рисунки Г. Ечеистова*

ЗОЛОТЫЕ КОНЮШНИ

I

Было это в дни моего детства. Жил я тогда в небольшой деревушке, которая одним концом робко прижалась к барской усадьбе, а другим смотрела в быстрые прозрачные воды речушки Пахорки. На обрывистом берегу этой речки стояла наша избушка. Ей не было ровесниц во всей деревне — так она была стара. Никто даже не помнил, когда она строилась. Избушка страдала всеми болезнями старости: крыша у нее провалилась во многих местах, балки сползли на одну сторону, а почерневшая солома нависла большим козырьком, закрывая окнам солнечный свет. Как нахохлившаяся дряхлая старуха, пригнулась избушка к земле. Зимой в ней было холодно, а в осенние, ненастные дни, когда дули ветры, она скрипела, стонала и грозила упасть.

— Задавит нас она, — часто со страхом говорила мать нам, ребятам.

— Задавит, — соглашались мы, прислушиваясь к угрожающему скрипу избы.

— Поди сбегай за дядей Петром!

В десятый раз я бегу по знакомой дороге к плотнику дяде Петру.

— Опять, небось, насчет избы? — спрашивает он меня.

— Известное дело, на то ты и плотник, — отвечаю я. — Иди посмотри, мать просит.

— Не пойду! — машет рукой дядя Петр. — И смотреть нечего! Она в три раза старше меня. Помирать ей пора. Одни гнилушки остались...

Я начинаю моргать и утирать кулачонками слезы.

— Ну пойдем, пойдем, — соглашается дядя Петр.

— Сделай милость, помоги! — умоляюще говорит ему мать. — Хоть бы нам эту зиму пережить.

Дядя Петр смотрит на сгнившие стены, на покоробившийся потолок и, качая головой, говорит:

— Подпорки надо под стены поставить, — годок-другой поживете.

— А сколько возьмешь за работу? — спрашивает его мать.

— Пять рублей, ни монеты меньше, — отвечает дядя Петр.

— А где же взять-то? — вздыхает мать.

Взять денег негде. Мать моя — вдова-бобылка, безлошадная крестьянка; нас, детей, у нее пятеро, а мужик один я, мне десять лет.

Мать молчит, потупя голову; молчат мои сестры.

Первым поднял голову я и радостно крикнул:

— Солому можно свезти в Москву!

— Лошадь-то, сынок, у нас где?

— Дядя Петр даст.

Мать с робкой надеждой взглянула в глаза дяде Петру.

— Так и быть, дам! — сказал дядя Петр. — Готовьте солому и приходите за лошадью.

II

С этого дня на гумне нашем с утра до вечера шла работа — подготовка соломы на продажу в Москву. Мы выбирали из скирды самые длинные снопы, развязывали свясла и чистили солому от разной травы и сора. После чистки сноп опять связывался и острой косой ровно подрезался у корня. Такая солома называлась «чищеной», ею покрывали крыши. Это была дорогая солома. В Москве ее покупали для подстилки лошадям, на которых катались богатые люди.

Много пыли поглотали мы, ребятишки, чтобы приготовить воз соломы. Особенно страдал я. В награду за работу мать ласково погладила мою пыльную голову и сказала:

— Поедешь со мной в Москву продавать солому.

У меня дух захватило от радости. Я гордо посмотрел на сестренок:

— Слышали?

Старшая, Тоня, сказала из зависти:

— Таких чумазых туда и не пустят! Какой москвич, подумаешь!..

Поздно вечером с нашего гумна тронулся воз с соломой. За десятки верст давала себя знать Москва. Казалось, что над ней пылает зарево. Вечер был сухой и теплый. Сивая кобылка дяди Петра бодро шагала по дороге. Мать сидела на возу рядом со мной и рассказывала о Москве, в которой бывала много раз. Много чудес наслушался я, еще не видя Москвы. Оказывается, Москва была совсем не такой, как деревня. В Москве даже на улицах горят лампы и вечером светло, как днем.

Я спросил:

— А что, в Москве одни богатые живут или бедные тоже есть?

И мать рассказала мне, что, хотя в Москве богачей много, бедных все же больше. Так же как в деревне, в городе бедные работают на богатых.

— Богачи живут на самых хороших улицах в городе, а бедные — на окраинах. Без бедных богачам, сынок, обходиться нельзя. Где богатые, там и бедные. Богачи ведь ничего не делают, а бедные на них работают...

Я смотрю в сторону зарева и думаю о Москве. Воз покачивается, скрипят колеса, фыркает сивая кобылка. Теплый воздух ласкает мне лицо, с неба смотрят голубые звездочки.

— Засыпаешь, сынок? — доносится до моего слуха заботливый голос матери, и я чувствую, как она обматывает мое тело вожжами и привязывает их к торчащему в середине воза колу. — Ну, теперь спи, не упадешь...

III

— Вставай, сынок, приехали!

Я поднимаю голову и вижу какую-то большую площадь, на ней много подвод с сеном и соломой. Я быстро соскользнул по соломе на землю.

— Где мы, мама, стоим?

— В Москве, сынок, на Сенной площади. Здесь и солому продают. Стой возле меня да помалкивай.

К нашему возу то и дело подходили какие-то важные дяди, похожие один на другого: рослые, широкоплечие, краснолицые, с жирными, бычьими шеями. Одеты они были в казакины, лаковые сапоги и черные фуражки.

— Сколько, тетка, за солому просишь? — кричали они, теребя снопы.

— Пять рублей, господин хороший, — робко отвечала мать.

— Трешку возьмешь?

— Нет, касатик, не возьму я дешевле. Солома хорошая. Везли далеко...

Толстяк с бычьей шеей бросал на землю солому и уходил.

— Кто это, мама? — тихо спросил я, указывая на толстяка.

— Это, сынок, кучера и конюхи барские. Видишь, как отъелись, — словно боровы!

Толстяк, который давал за воз три рубля, опять вернулся и, подойдя к матери, протянул ей широкую жирную ладонь.

— Отдашь, тетка, за четыре рубля?

— Пять рублей, господин хороший, — дешевле не могу, — ответила ему мать.

— Почему ничего не уступаешь?

— Изба у нас валится. Плотнику надо отдать за работу пять рублей.

— А ты возьми да новую избу поставь, — весело засмеялся толстяк. — Делать, видно, нечего, придется тебе всю пятерку отдать. На́ рубль задатку и вези солому по этому адресу.

Толстяк сунул матери в руку рубль, бумажку с адресом и пошел дальше.

— Прочти, сынок, что здесь написано, — сказала мать, подавая мне бумажку.

Я прочитал: «Водочный завод Петра Смирнова — Москва, Чугунный мост».

По этому адресу, расспрашивая встречных прохожих, мы повезли свою солому. Не привыкшая к шумным улицам Сивка пугалась встречных экипажей, шарахалась в сторону и задерживала уличное движение. Кучера сердито кричали:

— Эй, деревенщина, держи вправо!

Мать с испугу дергала вместо правой левую вожжу, и Сивка забирала еще больше влево, слышался треск застрявшей у воза кареты. Сивка, не останавливаясь, продолжала расчищать себе путь, а вдогонку неслись ругань и угрозы.

Я сидел на соломе и со страхом и любопытством вглядывался в уличную суматоху. Порой мне казалось, что вот-вот какой-нибудь рысак налетит на нашу Сивку и сомнет ее. Но Сивка, понурив голову и шевеля ушами, упрямо пробиралась вперед. Вскоре мы выехали на широкую улицу. С обеих сторон ее стояли украшенные балкончиками высокие каменные дома. В нижних этажах, в богатых лавках, торговали купцы. Широкие окна так и сверкали в лучах утреннего солнца. За стеклами в изобилии лежали румяные калачи, жирные, толстые колбасы. В некоторых магазинах за окнами в стеклянных ящиках плавала живая рыба. Но больше всего мне понравились крупные разноцветные фрукты, сложенные в виде башен. В больших вазах на тоненьких ножках лежали кисти неведомых мне ягод. В деревенских садах я таких фруктов и ягод не видывал сроду.

«Наверное, эти ягоды очень сладкие», думал я, облизываясь.

Мне очень хотелось попросить мать купить хотя бы одну ягодку, но я понимал, что из пятерки, которую мы получим за солому, нельзя было тратить на гостинцы ни одной копейки. Нужно чинить избу, иначе зимой замерзнешь!

Наконец мы доехали до Чугунного моста. Вывеска водочного завода Смирнова с золотыми буквами и двуглавыми орлами была видна издали.

По указанию дворника, мы въехали во двор и остановились возле красивых широких дверей.

— Думала, уж и не доедем, — со вздохом сказала мать, развязывая веревки.

Скоро к нам подошел тот самый толстяк, который купил у нас солому.

— Вот я вам отопру сейчас конюшню, там есть лестница... перетаскаете солому наверх.

Толстяк открыл широкую дверь и ушел в самый конец двора.

Мать стала снимать с воза снопы, а я вошел в помещение, которое он называл конюшней. Вид ее поразил меня.

Через минуту я выбежал обратно во двор и закричал:

— Мама, мама, иди скорей!

Мать испугалась моего крика. Она бросила наземь снопы и подбежала ко мне.

— Что ты, сынок?

Я схватил ее за руку и потащил в конюшню.

— Смотри: золотые конюшни!

Мы стояли молча, разглядывая невиданные хоромы, где жили барские лошади. Большой светлый коридор делил конюшню на две половины. Полы были выложены разноцветными плитками, составлявшими чудный узор. В конце коридора виднелся большой мраморный бассейн, по бокам которого на подставках стояли зеркальные шары — серебряный и золотистый. В стене была вделана каменная голова льва; из пасти его текла вода в бассейн. С правой и левой сторон коридора расположены были стойла, отдельно для каждой лошади. Двери во всех стойлах были сделаны из позолоченных прутьев, на них висели красивые дощечки с именем коня: «Волга», «Вихрь», «Питомец», «Громобой». Кони были разных мастей, с красивыми головами, выгнутыми шеями и заплетенными в косички гривами. Сказочные кони в сказочных золотых конюшнях!

Мы смотрели, не отрывая глаз, и забыли о своей соломе.

— Вы чего здесь стоите, рты разинули? — крикнул вошедший в конюшню толстый конюх.

Мы испугались и заторопились убирать солому, но толстяк загородил нам дорогу и уже более мягко сказал:

— Небось, лошадкам барским завидуете?

— Угадал, касатик, угадал, — ответила ему мать. — Лошади, а вот лучше нас, людей, живут.

— Вот дура деревенская! — засмеялся толстяк. — А знаешь ты, какие это лошади? За них за каждую можно всю вашу деревню вместе с народом купить. Цены им нет, а ты хочешь равнять себя с этой лошадью...

Толстяк открыл позолоченную дверь одного стойла и, указывая на серого жеребца, спросил:

— Видала такого красавца?

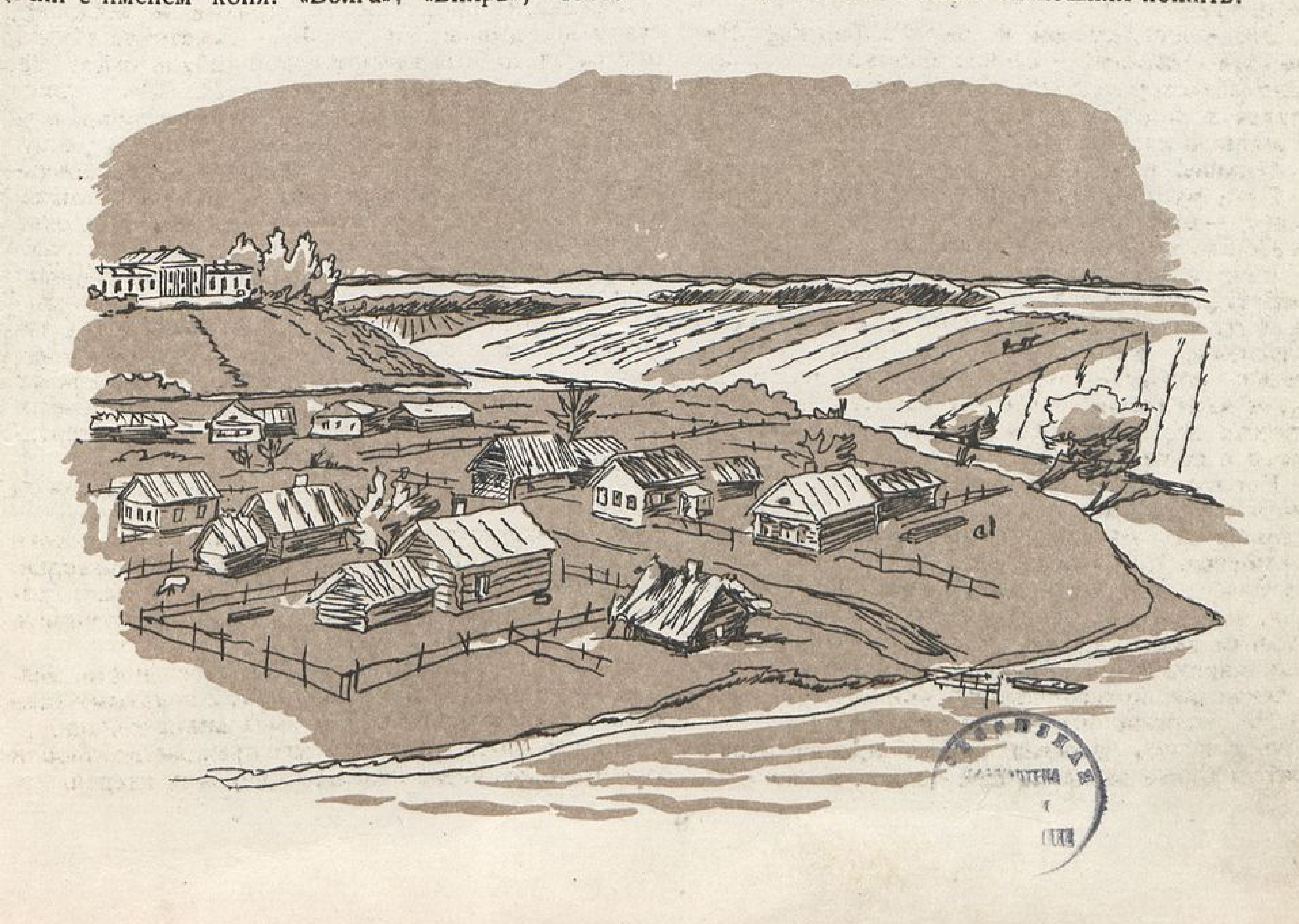
— Лошадок-то хороших приходилось видеть, а вот конюшни такой никогда не видала, — ответила мать.

— Изба-то у тебя в деревне, поди, похуже этих конюшен? — засмеялся толстяк.

— Чай, был в деревне, знаешь, какие избы у бедняков! — скорбно сказала моя мать и вышла из конюшни.

А когда толстяк ушел со двора, она взглянула на меня и добавила:

— Вот бы нам в таких конюшнях пожить!

Ковровый портрет

Стихи Н. Берендгофа

Рисунки Е. Бургункера

День за днем неутомимо
Я ткала большой ковер.
Все цветы страны любимой
Я вплела в его узор.

С ясной зорькой просыпалась,
За кольцом плела кольцо,
Чтоб с ковра мне улыбалось
Ненаглядное лицо.

Волос к волосу прядется,
Месяц к месяцу идет,
А земля обходит солнце,
Обойдет — и минет год.

Минул год, и предрассветный
Ветер мне шепнул: „Пора!"
Вождь улыбкой мне ответил
С драгоценного ковра.

Я к груди ковер прижала,
В нем любовь отражена!
На его шерстинках алых
Все оттенки и тона!

Прикасается к портрету
Солнце теплою рукой.
Чудится: ведет беседу
Свет наш, Сталин дорогой!

Я пишу ему с волненьем,
Как отцу писать могла,
Что большим ковром растений
Карталиния легла.

Облака плывут и тают,
Улыбаются поля,
Вождь привет мне посылает
Из далекого Кремля.

Перочинный ножик

Рассказ
В. Шервадзе

Рисунки
Е. Афанасьевой

В день рождения Костя Неверов получил много подарков: книги, глобус, новый конструктор, от мамы курточку с четырьмя карманами. Но самый необыкновенный, самый замечательный подарок Костя получил от папы. Это был толстый перочинный ножик, настоящий клад для путешественника.

Кроме ножичков различной длины, здесь был целый набор маленьких инструментов: щипчики, подпилочки, штопор, вилочка, две отвертки, шило и, наконец, маленькие ножницы. Сверху ножик был покрыт перламутром. На него надевался серый замшевый чехольчик с двумя металлическими шариками — застежками.

В гостях у Кости были его одноклассники — Миша Ковалев и Саша Скальский.

Весь вечер ребята рассматривали ножик. Особенно он понравился Саше. Саша не выпускал его из рук: раскрывал то подпилочек, то щипчики и показывал Мише. Наконец он не выдержал и спросил у Костиного отца:

— Дядя Коля, а где вы купили этот ножик?

— В комиссионном магазине. Что, понравился?

— Очень. А там есть еще такие?

— Нет, сейчас нет. Но, говорят, бывают. Я часто захожу туда. Там иногда такие вещи продаются, каких нигде не купишь.

У Костиного отца Саша узнал, где находится комиссионный магазин. Когда они с Мишей возвращались домой, Саша сказал:

— Давай с завтрашнего дня откладывать деньги.

— Чтобы перочинный ножик купить? — сразу догадался Миша.

— Ну да. Купим точно такой же или еще лучше.

— Вот здорово, Саша! Только денег много надо! Когда-то соберем их!

— А мы что-нибудь придумаем, — сказал Саша.

— Верно, верно! Ты подумай, и я подумаю. Что-нибудь да придумаем.

* * *

На другой день в школе случилось два события: заболел Миша Ковалев, и у Кости Неверова пропал перочинный нож.

Костя пришел в школу раньше обычного. Ему хотелось поскорее показать отцовский подарок всему классу. Ребята вырывали ножик друг у друга. Все торопились рассмотреть его до начала уроков. Костя чувствовал себя героем. Саше было даже немного обидно. Осенью он показывал часы, которые ему подарила мама. Ребята не с таким интересом рассматривали их. А часы у Саши тоже были не совсем обыкновенные. Саша называл их «бронированными». Стекло у них было закрыто металлической крышкой с тремя маленькими отверстиями.

Раздался звонок. Костя отобрал у ребят ножик и положил его в парту. Перед самым уроком у Саши сломался карандаш.

— Давай-ка обновим твой ножик, — сказал он Косте.

Костя расстегнул застежку, снял чехольчик, открыл один из маленьких ножичков и с гордостью смотрел, как Саша ловко и быстро чинил карандаш. В это время вошел учитель арифметики, он же классный руководитель, Петр Семенович. Костя побежал на свое место. Саша кончил чинить карандаш, завернул ножик в бумажку и незаметно по полу переслал его товарищу. Костя и Саша сидели в одном ряду и часто посылали так друг другу записки, карандаши и резинки.

Почти весь урок Петр Семенович объяснял решение новых задач. В конце урока

он вызвал к доске Мишу Ковалева. Миша медленно прошел между партами. И Петр Семенович и ребята заметили, что Миша был очень красный. Глаза его блестели.

— Ты болен, Ковалев? — спросил Петр Семенович.

— Голова болит немного...

— А горло не болит?

— И горло тоже... немного болит, — нехотя отвечал Миша.

Учитель посмотрел на часы. В это время раздался звонок. Петр Семенович распорядился:

— Вы, ребята, бегите в зал. А ты, Ковалев, собери книги и приходи в учительскую. Я сейчас кого-нибудь из твоих домашних вызову, — лучше тебе дома посидеть, если ты плохо себя чувствуешь.

В классе остался один Миша. Не успел он собрать книжки, как за ним приехала мама. Ребята кричали Мише из окна:

— До свиданья!.. Поправляйся скорее!..

Миша махал им рукой. Машина быстро помчалась по улице. Ребята не расходились. Кто-то сказал, что если горло болит, то это, наверное, скарлатина.

Саша, грустный, стоял у окна. Его послали за картой в учительскую, и он опоздал попрощаться с Мишей.

На последнем уроке Костя делал Саше какие-то таинственные знаки. Саша тоже показывал знаками, что ничего не понимает. Как только кончился урок, Костя подбежал к Саше.

— Ты почему ножик не отдаешь? — сердито спросил он.

— Я же отдал тебе... По полу послал...

— По полу? А я и не видел. Где же он тогда?

Костя и Саша начали искать ножик на полу. Ничего не нашли.

— Ты у себя лучше посмотри. Может быть, он у тебя остался, — посоветовал Костя.

— Чего смотреть? Знаю, что отдал.

— А ты все-таки посмотри.

— Говорю, что отдал. И смотреть не стану. Смотри у себя.

— А, может, ты нарочно спрятал? Дай-ка я загляну в твою парту.

— Нечего тебе глядеть. Сам взял и забыл. У себя и смотри, — упрямо твердил Саша.

— Это ты забыл, а не я. Взял ножик и отдавай! — еще больше сердился Костя.

Ребята стали прислушиваться к спору, окружили их.

— Да он застрял где-нибудь. Давайте парты отодвинем, — предложила Варя.

Весь класс принимал участие в поисках: ползали по полу, шарили под партами, передвигали их, — ножика не было. Наконец Костя сказал со слезами на глазах:

— Ты украл мой ножик!

— Сам ты украл! — вспыхнув, ответил Саша.

— Костя, а ты в парте у него поищи, — предложил кто-то.

— Не дам искать! — решительно сказал Саша и надавил крышку парты руками.

— А если не даешь, значит украл, — настаивал Костя.

— Украл, так украл, а в парте искать не позволю!

Расталкивая ребят, Варя пробиралась вперед.

— Саша, да открой ты парту, покажи!

— Если бы он не сказал, что я украл, я бы открыл. А теперь ни за что не пущу! — и Саша еще сильнее нажал крышку.

— А я все равно открою! — кричал Костя, отталкивая Сашу.

Варя бросилась на помощь к Саше. Но было уже поздно. Его оттеснили. Открыли парту. Начали рыться в книгах. Варя схватилась за крышку. Но тут Костя приподнял Сашины тетради, и под ними блеснуло что-то.

Это был Костин перочинный ножик.

(Продолжение в следующем номере)

ТИШЕ, ТИШЕ...

Стихи Х. Левиной
Перевод с еврейского
Т. Спендиаровой

Рисунок Е. Эндриксон

Я наушники надену.
Тише, говорит Москва!
Без отрыва,
Терпеливо
Буду слушать час и два.

Песни, музыку и речи,
Передачи для ребят
Буду слушать целый вечер,
Буду слушать всё подряд.

Потому что, может быть,
Сталин будет говорить!

Вдруг услышал я такое,
Что пришлось мне взять свое
Деревянное,
Большое,
Дальнобойное ружье.

Стали вдруг передавать:
Враг задумал воевать.

Завтра встану я пораньше,
Никого не разбужу.
Завтра встану я пораньше
И по радио скажу:

— Дайте Кремль, — скажу,
не струшу, —
Нужно Сталина позвать!

Я сегодня стал большим.
Я, как ты, неустрашим!
Я могу один остаться
Поздно ночью в темноте,
Я умею храбро драться,
Быстро бегать
И свистеть!

Я нырять умею даже...
Если стану я на страже
У ворот страны родной,
Враг не справится со мной!

Ты спокоен будь в Кремле, —
Лягу ухом я к земле;
Если шорох вдруг раздастся,
Значит, хочет враг подкрасться;
Я трубу свою возьму,
Разбужу сигналом тьму.
Загремит труба на славу:
«Эй, товарищи, в облаву!»

Если ж мне такого дела
Не доверишь одному,
Я с собою самых смелых
Трех товарищей возьму.

Бросив игры и проказы,
Мы на зов приедем вмиг.
Увидав,
Полюбишь сразу
Ты товарищей моих.

Я секрет один подслушал:
Враг задумал воевать!
А тебе, быть может, нужен
Очень храбрый часовой,
Чтобы ночью, в слякоть, стужу,
Пост не бросил боевой?

Было мне четыре года,
А сегодня стало пять.
И такого
Часового
В целом мире не сыскать.

Ты подумаешь, быть может,
Что, проведав наш секрет,
Мама спать меня уложит?
Не такая мама, нет!
Я в бою не буду лишним,
Не боюсь стрельбы, огня...

Тише,
тише,
тише,
тише...
Сталин слушает меня!

Мурзилкина газета

ВЕСНА

Весна пришла,
Весна пришла!
Весь лес, как бархат, зеленеет,
Бегут ручьи,
В полях цветы
алеют.
Я выйду в поле
Утром рано
Смотреть, как солнце всходит,
Как по земле
Плывет туман,
Как мрак ночной проходит.
Как хороша
Весна моя!
Жизнь горечью меня не тронет —
Лишь потому,
Что жизнь для нас
Великий Сталин строит.

Шура Халдеева, уч. 2-го класса, г. Сталинск.

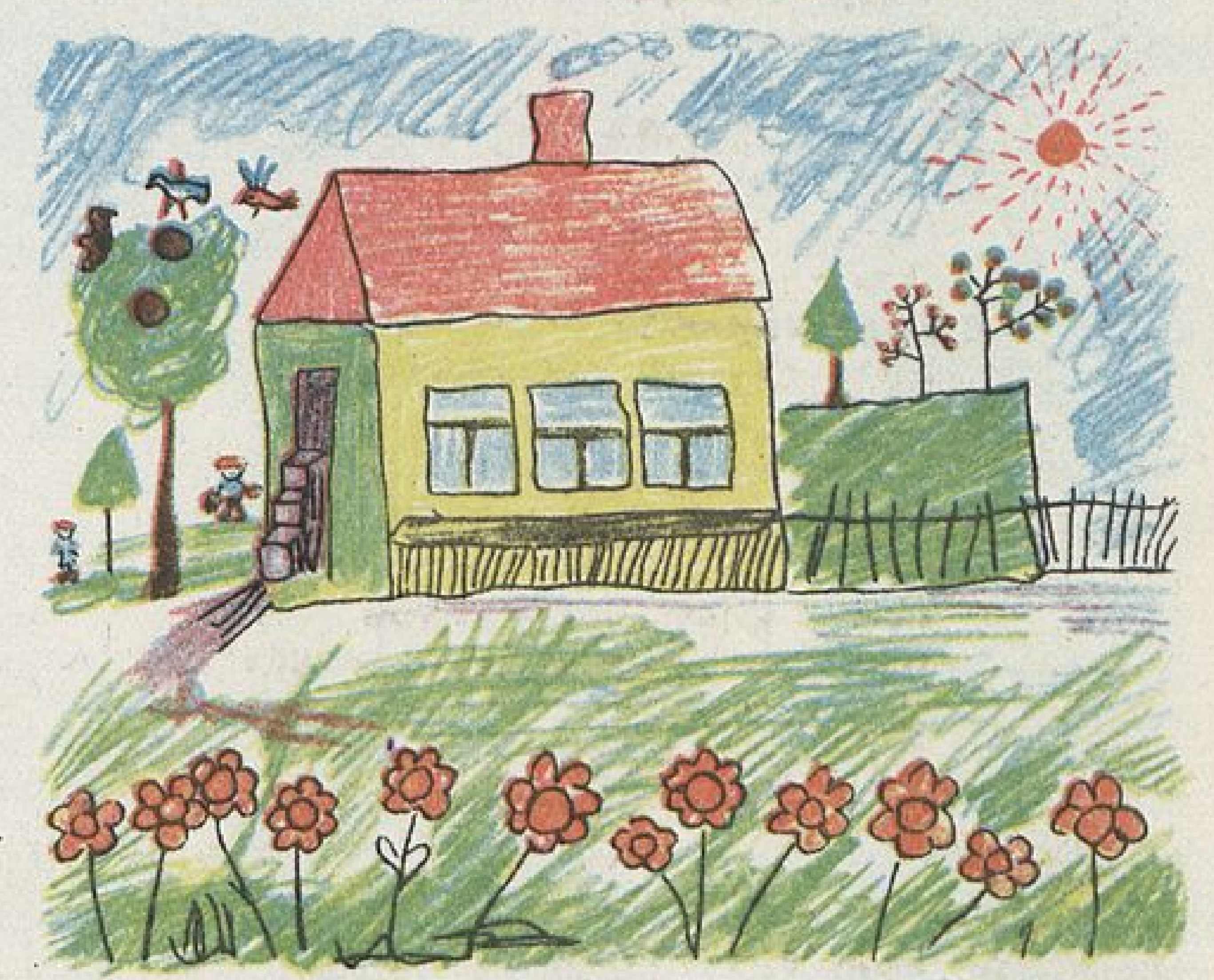

Рисунок Веры Синяковой, 6 лет, Рязанская обл.

КАК МЫ НЕНАВИДИМ ФАШИСТОВ

На дворе ребята лепили огромную снежную бабу. Сначала поставили большой шар — туловище, потом поменьше — голову, и на нее надели старую, изорванную шляпу. Баба вышла неуклюжей, но ребята и такой довольны. Бегают, прыгают вокруг нее, визжат.

— Стойте! — вдруг крикнул Ваня. — Бейте ее, это фашист!

— Ура! В атаку! — закричали ребята и бросились на врага.

Скоро на месте, где была баба, остался один измятый снег.

Авенир Тимофеев, 12 лет, г. Иваново.

Рисунок Вероники Ремпель, 13 лет, Карелия.

НА СЕВЕРЕ

И день и ночь всё снег идет.
И день и ночь пурга ревет.
И буря, буря каждый день!
И зябнет даже сам тюлень,
И зябнут рыбки подо льдом.
На льдине зыбкой голубой
Стоял непрочный снежный дом.
Папанин, Федоров, Ширшов
И Кренкель
В том доме жили,
На льдине плыли.

Ира Темкина, 8 лет, г. Ташкент.

ПАПАНИНЦЫ

Рисунок Пети Чичева, $5^1/_2$ лет, г. Суджа.

РЫБА В

Очерк С. Яковлева

Ранним утром на легкой долбленой лодочке-душегубке объезжал дедушка Иван тихие заводи лесной речки. Навстречу челноку рваными косыми полосами тянулся туман. Он быстро поднимался и таял на солнце. На реке было свежо, набегал легкий ветерок и покрывал кое-где рябью зеркально-тихую воду.

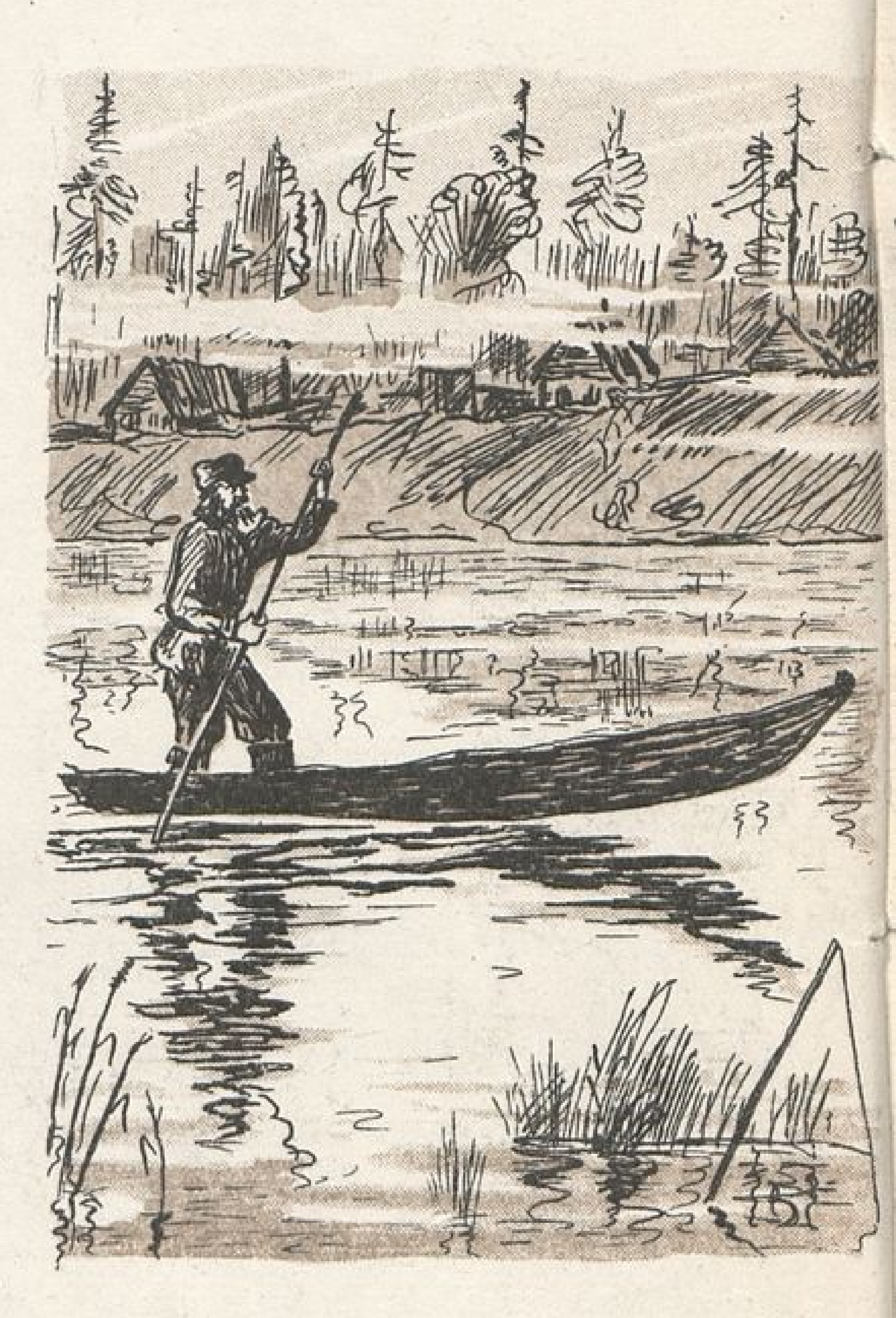
На прибрежном песочке пищали кулички-перевозчики, перелетая с берега на берег впереди челнока.

Переливчато крикнул кулик-черныш. Как стрела, мелькнул он над головой деда, испуганно перевернулся, показав белое брюшко и темную спинку, и скрылся в белесой мути тумана. Через мгновенье его звонкий свист раздался уже среди елок прибрежного леса.

В густых кустах ивняка пели и чирикали мелкие птички, а на лугах кончали свои скрипучие песни дергачи.

Дед подъехал к осоке и вытащил спрятанную с вечера снасть — простую палку, к которой была привязана бечева с проволокой и крючком. Таких немудреных удочек он наставил больше десятка, но результат оказался плачевный: попали за ночь два небольших окуня и маленькая щучка. Рыбак насадил на крючки новые насадки — пескарей и плотвичек — и оставил снасти до вечерней зари, а сам поехал домой отдыхать.

Днем сильно парило, где-то далеко и глухо гремел гром, собирались тучи, упало несколько капель дождя. К вечеру погода установилась, и

солнце садилось за лес, разливая вокруг золотые лучи. Дед поехал вновь смотреть свои снасти.

Темнота сгущалась. Подъезжая к последней снасти, которая стояла под нависшими кустами крутого берега, дед заметил, что веревка отведена в сторону и натянута, как струна.

Сердце старика забилось учащенно. На крюк попалась добыча. Трясущимися руками вырвал он палку из глины и забрал бечеву... Потихоньку подводил рыбак свою добычу, а она, уже утомленная, покорно шла к лодке.

ПЕРЬЯХ

Рисунки В. Житенева

— Ух, едят тебя мухи с комарами! Должно быть, важная, большая, — вслух проговорил дед.

Из воды показалась щучья голова с громадной раскрытой пастью. Рыба глотнула воздуха — очумела, как говорят рыбаки, — и теперь шла без сопротивления поверху, как полено на привязи.

За щукой тащилось что-то, похожее на водоросли, и вся она была какой-то необыкновенной формы. Дед подвел добычу к самой лодке, но вдруг отпустил из рук бечевку и громко вскрикнул:

— Чорт!.. Водяной!..

Рыба была покрыта перьями, а по воде шлепали большие мокрые крылья. Щука очнулась, вильнула хвостом, — раздался всплеск, и по темнозеленой воде пошли блестящие круги.

Деда от страха пот прошиб... Много поймал он рыбы на своем веку, а щуку с перьями и крыльями видел впервые.

С перепугу решил он бросить удочку и уехать от страшного места. Но затем одумался. Страсть охотника взяла верх над боязнью. Дед снова стал подводить рыбу к лодке, а сам всматривался с опаской в темную глубь.

После короткой борьбы щука всплыла близ челнока.

На ее спине была целая куча перьев, по бокам болтались крылья. Внимательно рассматривал дед свою удивительную добычу: на щуке сидела скопа — птица-рыболов.

— Вот жадина, какую щуку схватила! Да, видно, не осилила. Ну и напугала старого дурака!

Дед втащил в лодку щуку с ее мертвым седоком.

Глубоко вонзились в хребет рыбины острые когти птицы-рыболова. Перья скопы размокли и торчали во все стороны, как колючки у ежа. На крыльях были видны обнаженные кости. Щука была большая. Своего страшного седока она носила уже несколько дней. Израненная, больная, но, очевидно, голодная, она проглотила плотвичку-насадку.

Вся деревня сбежалась смотреть на необычный улов.

Так погибли старая щука и скопа — водяной ястреб.

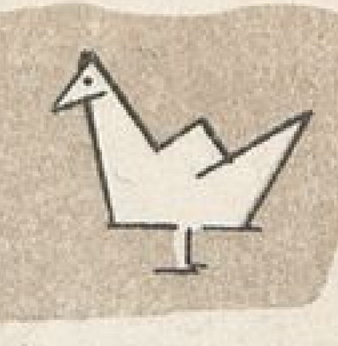

МУРЗИЛКА — КИНООПЕРАТОР

ИГРЫ шарады загадки

М. Андриевская

КТО ОНА?

(акростих)

Ряды ее — живые, винтовки — боевые,
Как лучшая на свете, прославилась она.
Кто друг — тот гордится, кто враг — тот
боится,
А родина штыками ее защищена.

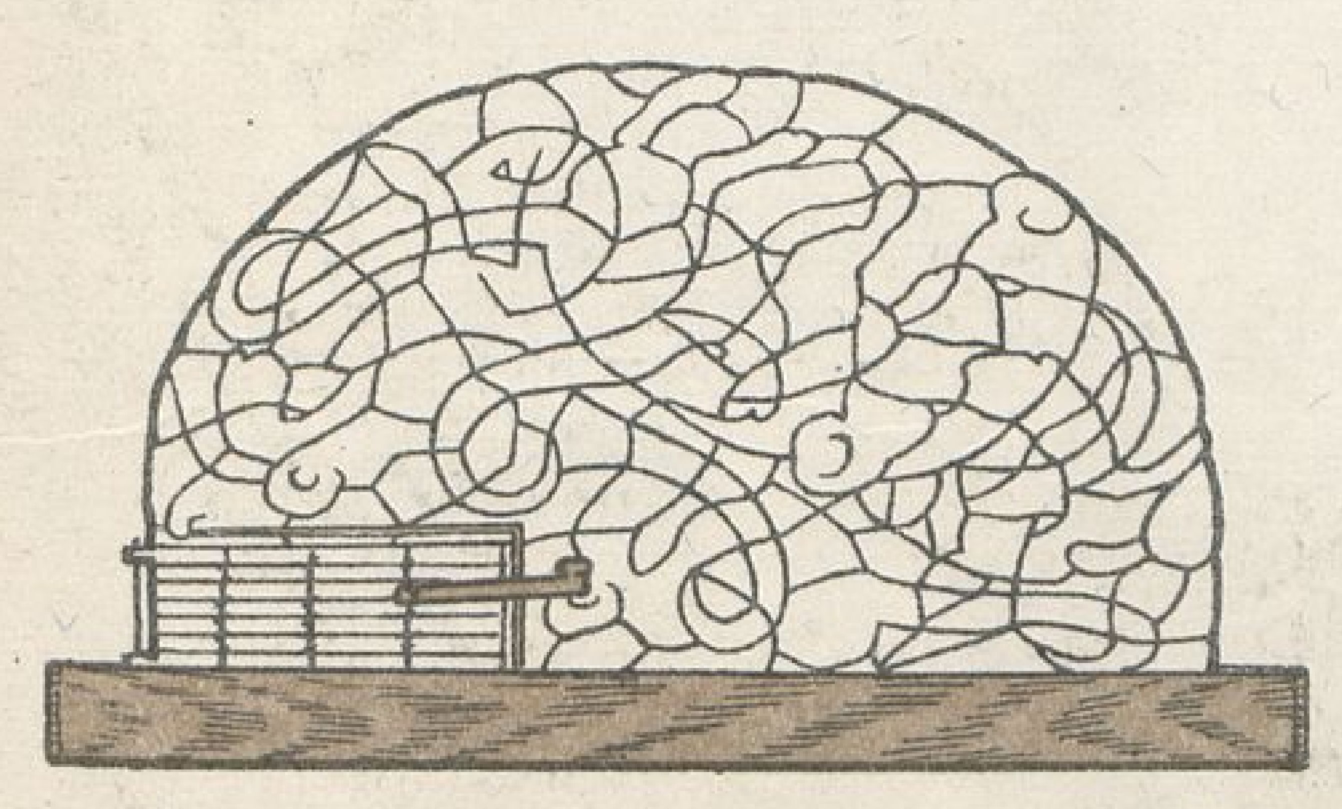
ШАРАДА

Буква гласная — в начале,
Окончанье вы встречали:
Комья пашен под зерно
Разровнять должно оно.

В целом видим — это слово
Защищать страну готово,
И должны мы потому
Быть готовыми к нему.

МЫШЕЛОВКА

В эту мышеловку попалась мышь. Найдите и очертите ее.

Ф. Благов

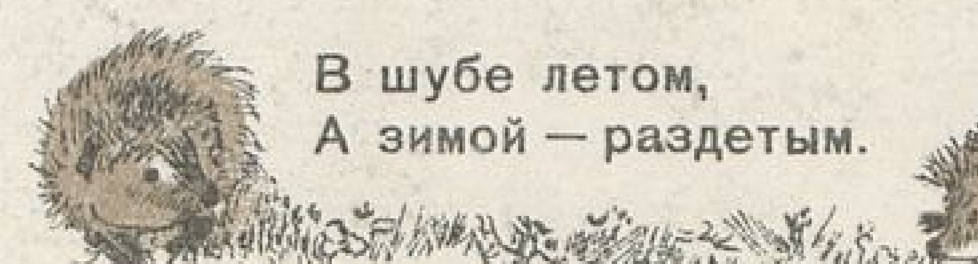
ЗАГАДКИ

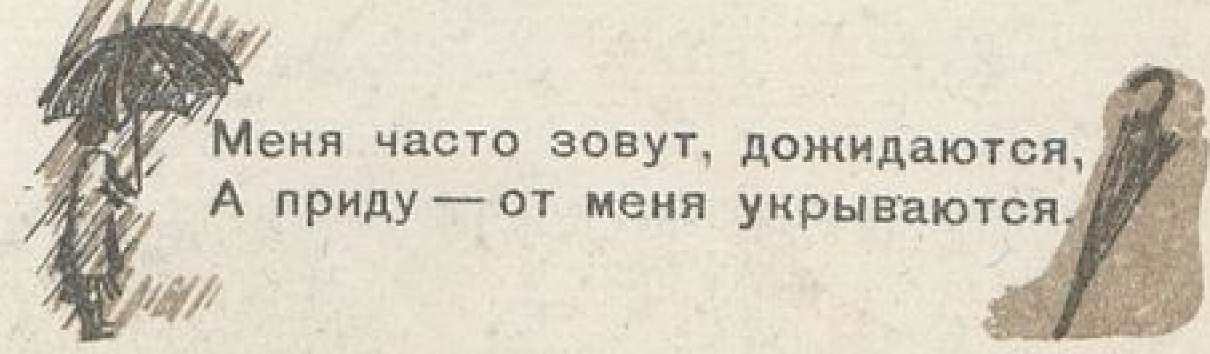
Когда ненастно,
Я гуляю,
А если ясно —
В углу скучаю.

Под стеклом сижу,
В одну сторону гляжу,
В лес заберешься —
С пути не собьешься.

В шубе летом,
А зимой — раздетым.

Под соснами да под елками
Бежит подушка с иголками.

Меня часто зовут, дожидаются,
А приду — от меня укрываются.

Ребята! Ответы на эти загадки сделаны в виде рисунков. Но художник перепутал эти рисунки-отгадки и поставил их не на свои места. Попробуйте сами найти правильные ответы по этим рисункам.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЦК ВЛКСМ. Адрес: Москва, М. Черкасский, 1. Тел. 1-15-42

Ответственный редактор А. Дунина. Корректора: С. Боровская и Н. Тарасова. Оформление В. Житенева.
Сдано в набор 15/II 1938 г. Подписано к печати 21/III 1938 г. Объем 2,5 печ. л. Ст.-форм. 93×120 1/16 листа.
Уполномоченный Главлита Б-35764. Заказ № 179. Детиздат № 1756. Тираж 250 000.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сущевский вал, 49.

Цена 60 коп.

МУРЗИЛКА В ШКОЛЕ

Стихи М. Пустынина и Ив. Пруткова *Тема В. Апресьяна* *Рисунки М. Храпковского*

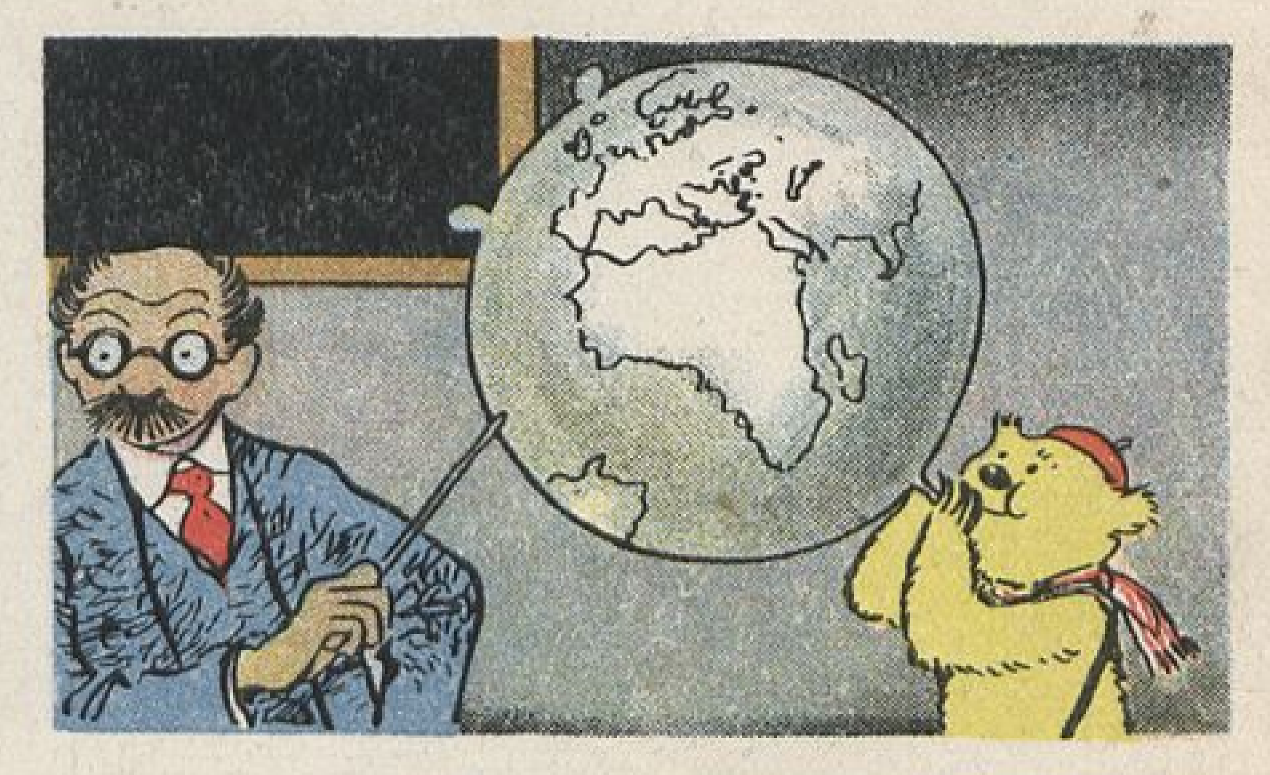
1. Весь класс учителю внимал,
Но глобус был ужасно мал.
Вздыхали школьники: „Обидно!
Ни гор, ни рек совсем не видно!"

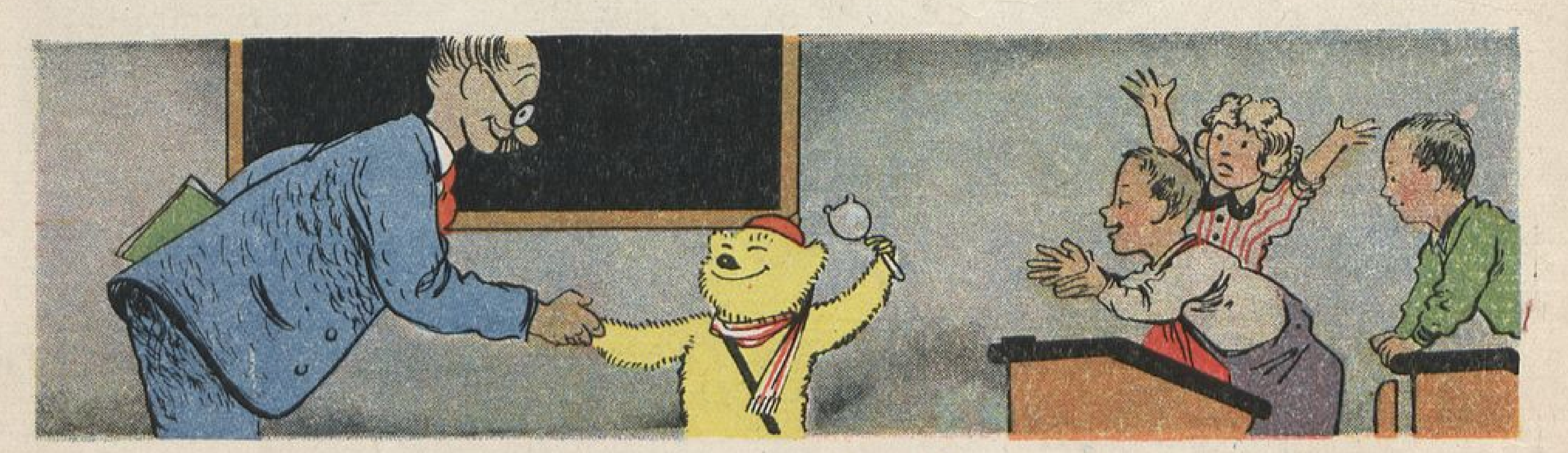
2. Мурзилка ловкий тут как тут:
„Надую глобус в пять минут,
Какого в мире не бывало!"
А класс кричит: „Врешь, надувала!"

3. И что же? Класс глядит в упор:
Всё ярче очертанья гор,
Ясней моря, крупней проливы
И самых мелких рек извивы...

4. А глобус, словно стратостат,
До потолка подняться рад.
Уж для него мала указка...
Что это: чудо, сон иль сказка?

5. Пошел ребятам глобус впрок.
Но только кончился урок,
Он, как „уйди", свернулся разом.
Едва моргнуть успели глазом.
Мурзилке благодарен класс:
„Надул ты глобус, а не нас!"
И крепко жмет Мурзилке руки
Учитель от лица науки.